

П.А. Кулиш

**Записки о жизни Н. В.
Гоголя**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Кулиш**
Записки о жизни Н. В. Гоголя: Том 1 / П.А. Кулиш – М.: Книга по Требованию,
2022. – 346 с.

ISBN 978-5-518-10062-6

ISBN 978-5-518-10062-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НѢКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Въ этихъ »Запискахъ« повторено все, что напечатано въ моемъ »Опытѣ Біографіи Гоголя«, кромѣ мѣстъ, потребовавшихъ исключенія, или замѣны новыми, вслѣдствіе точнѣйшаго изученія предмета и вновь открытыхъ матеріаловъ.

Считаю нужнымъ объяснить причины, по которымъ я назвалъ свою книгу не *вторымъ, пополненнымъ изданіемъ* »Опыта«, а »Записками«. Во первыхъ, это послѣднее заглавіе показалось мнѣ болѣе удобнымъ для будущихъ ссылокъ на мою книгу. Во вторыхъ, здѣсь такъ много передѣлокъ и дополненій противъ »Опыта«, что я считаю »Записки о Жизни Гоголя« новымъ своимъ трудомъ. Въ третьихъ, самое количество писемъ и другихъ документовъ, далеко превосходящее то, которое включено въ »Опытъ«, должно дать этой книгѣ особое значеніе въ глазахъ читателей. Наконецъ, въ четвертыхъ — и это самое главное — обширность предпринятой мною работы, обнятая мною полнѣе при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, заставила меня пріостановиться съ дальнѣйшими біографическими выводами и обратить свою книгу въ простой сборникъ извѣстій о Гоголѣ, — сборникъ, который можетъ еще пополниться новыми записками и изустными разсказами знавшихъ Гоголя лично и по которому со временемъ можно будетъ написать его біографію.

Николай М*.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

Періодъ первый.

1.

Предки Гоголя. — Первые поэтические личности, напечатлѣвшіяся въ душѣ его. — Характерическія черты и литературныя способности его отца. — Первые вліянія, которымъ подвергались способности Гоголя. — Отрывки изъ комедій его отца. — Воспоминанія его матери.

Въ малороссійскихъ лѣтописяхъ записано два лица, носившія имя Гоголя. Первый Гоголь, выдавшійся изъ толпы своихъ темныхъ однофамилцевъ, былъ Іоаннъ, епископъ пицкій. Онъ является въ числѣ провозвѣстниковъ той ушні, противъ которой воевалъ герой современнаго намъ Гоголя, Тарасъ Бульба. Не извѣстно, состояли ли предки поэта въ какомъ-нибудь родствѣ съ этимъ епископомъ; только Гоголи существовали съ давнихъ временъ на Украинѣ. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, старинное сотенное село Гоголевъ, бывшее, вѣроятно, гнѣздомъ ихъ фамиліи, подобно тому какъ другія села, названныя по извѣстнымъ въ исторіи именамъ, указываютъ на домашній очагъ другихъ старинныхъ родовъ въ Малороссіи. Впрочемъ исторія молчитъ о Гоголяхъ во все продолженіе ожесточенныхъ войнъ за унію и только въ эпоху Богдана Хмельницкаго выноситъ изъ темной неизвѣстности од-

ного Гоголя. То был Остап Гоголь, полковник подольскій. О немъ говорится въ лѣтописяхъ при описаніи битвы на Дрижицолѣ (1655); потомъ его имя упоминается, въ исчисленіи отсутствующихъ полковниковъ, подъ «переславскими статьями»; наконецъ, въ «Лѣтописи Самовидца» онъ иллется рядомъ съ Петромъ Дорошенкою, которому онъ одинъ изъ полковниковъ остался до конца вѣрныи и послѣ котораго еще нѣсколько времени отстаивалъ подвластную себѣ часть Украйны. Не больше пяти строкъ посвящалъ лѣтописецъ этому обращенію козацкой неугомонности, но и изъ нихъ видно, какого сорта это былъ характеръ. Остапъ Гоголь ѣздилъ въ Турцію посломъ отъ Дорошенка, въ то время, когда уже все другіе полковники вооружились противъ этой «вихреватой головы», какъ называли иана Петра Запорожцы, и когда Дорошенко колебался между двумя мыслями: сѣсть ли ему на бочку пороху и взлетѣть на воздухъ, или отказаться отъ гетманства. Можетъ быть, только Остапъ Гоголь и поддерживалъ такъ долго его безразсудное упорство, — потому что, оставшись послѣ Дорошенка одинъ на опустѣломъ правомъ берегу Днѣпра, онъ не склонился, какъ другіе, на убѣжденія Самойловича, а пошелъ служить, съ горстью преданныхъ себѣ козаковъ, воинственному Шу Собѣскому и, разгромивъ съ ними подъ Вѣлюю Турокъ, принялъ отъ него опасный титулъ гетмана, который не подъ силу пришло носить самому Дорошенку. Что было съ нимъ потомъ и какая смерть постигла этого, какъ по всему видно, энергическаго человека, лѣтописи молчатъ. Его боевая фигура, можно сказать, только выглянула изъ мрака, сгустившагося надъ украинскою стариною, освѣтилась на мгновение кровавымъ пламенемъ войны и утонула снова въ темнотѣ.

И какому лѣтописцу его времени было дѣло до Остапа Гоголя, полковника отдаленной надднѣстрянскои Украйны и потомъ гетмана небольшой дружины козаковъ, обрывка грозной тучи, вызванной чародѣемъ Хмельницкимъ на бой съ громами польскихъ магнатовъ?... Но это имя, выброшенное волнами событій на широкій берегъ исторіи, до сихъ поръ отрѣшенное отъ живыхъ интересовъ нашего уха и чувства, вается теперь съ другимъ подобнымъ именемъ, которое отмѣчено въ лѣтописяхъ міра болѣе яркой и привѣтливо сіяющей звѣздой. Конечно, ни одинъ лучъ въ сіяніи этой звѣзды не зависить отъ зловѣщаго блеска, озарившаго

личность Остапа Гоголя; но любопытно, однакожъ, знать, въ какомъ разрядѣ людей, въ какомъ быту и при какихъ обстоятельствахъ выработывалась въ минувшіе вѣка жизненная сила, которой въ наши дни, дивной игрой природы, сообщился таинственный огонь поэзіи. Вотъ почему пишущій эти строки съ живѣйшимъ любопытствомъ прочиталъ сухой дворянскій протоколъ повта, по которому родъ его восходитъ ко временамъ воинственнаго Остапа и въ которомъ упоминается еще двѣ старинныя, исторически извѣстныя фамиліи, бывшія въ близкомъ родствѣ съ поколѣніемъ Гоголей.

Странно, однакожъ, что въ этомъ документѣ полковникъ Гоголь названъ Андреемъ и получаетъ въ 1674 году привилегію на владѣніе деревнею Ольховцею отъ польскаго Короля Яна Казимира, который за шесть лѣтъ передъ тѣмъ отрекся отъ престола. Не зная, какъ объяснить такую несообразность, пишущій эти строки все-таки думаетъ, что это — преданіе о полковникѣ Остапѣ, искаженное въ канцеляріяхъ гетманской Малороссіи, ибо до сихъ поръ ни въ одномъ извѣстномъ документѣ не встрѣтилось не только полковника Андрея Гоголя, но и никакого другаго полковника Гоголя, кромѣ Остапа. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь (¹) Логанасій Гоголь (дѣдъ нашего повта), въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскаго, и тестя, буичуковаго товарища Семена Лизогуба. Но извѣстно, какъ велики были эти имѣнія, по въ протоколѣ говорится, что оны находились въ мѣстечкахъ Лишлявомъ, Бубновѣ, Келебердѣ и деревнѣ Рѣшоткахъ (²).

Что касается до предковъ Гоголя по женской линіи, то полковникъ переяславскій Василій Танскій происходилъ отъ извѣстной польской фамиліи этого имени и оставялъ Польшу въ то время, когда Петръ Великій вооружился противъ претендента на польскій престолъ, Лещинскаго. Онъ усердно служилъ Петру въ шведской войнѣ и занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между малороссійскою старшиною. Пра-

---

(¹) Старинный малороссійскій чинъ, соответствовавшій майору.

(²) Все это въ Полтавской губерніи.

дѣдъ поэта, Семень Лизогубъ, пролеходилъ отъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба, извѣстнаго тоже въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ; а его мать, Марья Ивановна, была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метрическаго свидѣтельства. Такимъ образомъ, Гоголь, по своей родословной, принадлежалъ къ высшему сословію въ Малороссіи и въ числѣ своихъ предковъ могъ считать нѣсколько личностей, хорошо памятныхъ исторіи.

Захѣтѣмъ, что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ Турцію, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій, и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный (то есть генераль-фельд-цейхмейстеръ), — все это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что касается до дѣдушки поэта, полкового писаря (1), то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской духовной академіи, или по крайней мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто наибольшинхъ гимназій, и кто знаетъ, не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти «Вій»? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аонасія Ивановича. Въ такомъ случаѣ, припомнимъ нѣсколько строкъ, обрисовывающихъ двѣ личности (Аонасія Ивановича и его жену), имѣвшія, такъ или иначе, вліяніе на образованіе души нашего поэта въ то время, когда она легко поддавалась всякому вліянію.

»Еслибы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аонасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхерія Ивановна пятьдесятъ пять. Аонасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулущикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго

---

(1) Въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гоголя дѣдъ его уже названъ майоромъ.

лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ, вѣрно бы, украсть ихъ. Но ничь можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вѣстѣ богатыя фамиліи.... Когда-то въ молодости Аванасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ *секунды - майоромъ*; но это было очень уже давно.... Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надѣдають вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, распрашивая ихъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики.... Тогда лицо его можно сказать, дышало добротою.... Они непрерывно старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашались на ихъ просьбы. Онъ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ.» (1)

Сынъ полкового писаря, Василій Аванасьевичъ Гоголь, отецъ поэта, былъ человекъ весьма замѣчательный. Онъ обладалъ даромъ разсказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось и приправлялъ свои разсказы врожденнымъ малороссійскимъ юморомъ. Во время рожденія Николая Васильевича (2), онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго асессора, что въ провинціи — и еще въ тогдашней провинціи — было рѣшительнымъ доказательствомъ, во первыхъ, умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ, бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляеть насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности — теоретической, или практической, все равно; но, кромѣ того, мы имѣемъ еще

---

(1) «Старосвѣтскіе Помѣщики», въ «Сочиненіяхъ Николая Гоголя», т. II, стр. 13, 15, 29, 30.

(2) Онъ родился въ 1809 году, 19 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Можетъ

другое доказательство высшего умственного его развития, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ занимательность его рассказовъ объясняется не однимъ врожденнымъ даромъ слова: онъ много зналъ, много видѣлъ и много испыталъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ бы то ни было, только его небольшое наследственное село Васильевка, или — какъ оно называется изстари — Яновщина, сдѣлалось центромъ общности всего околотка. Гостепріимство, умъ и рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далекихъ соседей. Тутъ-то бывали настоящіе «вечера на хуторѣ», которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣстилъ возлѣ Диканьки (¹); тутъ-то онъ выдалъ этихъ неистощимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окаррикнувъ, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудого Панька.

Нужно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чувствуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную митонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь налитанную запахомъ пироговъ со сметаной или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи.

Вообще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ много, что окружало его въ дѣтствѣ, почти въ томъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Тутъ еще не было художественнаго сліянія въ одно предметовъ, разбросанныхъ по цѣлому міру и набранныхъ поэтическою памятью въ разныхъ мѣстахъ и въ разные времена. Поэтому, его

быть, будущему биографу Гоголя полезно будетъ знать для какихъ-нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла двоихъ дѣтей до его рожденія, но они являлись на свѣтъ мертвыми. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она перѣехала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій. Между прочимъ она дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, наименовать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тѣхъ поръ, пока дадутъ ему знать о счастливомъ событіи и попросятъ отслужить благодарственный молебень.

(¹) Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи.

«Вечера на Хуторѣ» и нѣкоторыя пьесы въ «Миргородѣ» и въ «Арабескахъ», при всей незрѣлости своей, имѣютъ для насъ теперь особенный интересъ. Тутъ изъ-за картинъ выглядываетъ самъ художникъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ, силой своего таланта, поставилъ изображенныя имъ лица, предметы и событія внѣ всякаго сближенія съ своею домашнею жизнью (1). Здѣсь онъ дитя, невольнo высказывающееся въ своей пассивности; тамъ онъ мужъ, безпристрастно и вѣдѣвіе высшихъ соображеній выражающій поэтическія истины. Малороссійскіе помѣщики прежняго времени жили въ деревняхъ своихъ весьма просто: ни въ устройствѣ домовъ, ни въ одеждѣ не было у нихъ большой заботы о красотѣ и комфортѣ. Поюція двери, глиняныя полы и экипажи, дающіе своимъ звяканьемъ знать прикащику о приближеніи господъ, — все это должно было быть такъ и въ дѣйствительности Гоголева дѣтства, какъ оно представлено имъ въ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Это не кто другой, какъ *онъ самъ*, вбѣгавъ прозябнувъ въ сѣни, хлопалъ въ ладоши и слышалъ въ скрипѣнн, двери: «батюшка, я знобу!» то *онъ* вперялъ глаза въ садъ, изъ котораго глядѣла сквозь растворенное окно майская темная ночь, когда на столѣ стоялъ горячій ужинъ и мелькала одинокая свѣча въ старинномъ подсвѣчникѣ. «Покрытая зеленою плесенью крыша и крыльцо, лишённое штукатурки, представлялись *его* глазамъ, когда онъ, перѣбравъ пажити, лѣзущія въ эппажъ, приближался къ родному дому, и старосвѣтскіе помѣщики были портреты почтенной четы отходящихъ изъ нашего міра старичковъ, которые мирною жизнью, исполненною тихой любви и довольства, летѣли дѣтское сердце поэта, какъ теплая, свѣтлая осень летѣтъ молодые поѣсы. И если онъ отъ своего отца и его досужихъ собесѣдниковъ позаимствовалъ оригинальную, истинно малороссійскую манеру балагурить, то, безъ сомнѣнія, охлажденныя старостью рѣчи прототиповъ Аонасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны заронили въ его душу сѣмена серьёзныхъ убѣжденій религіи и нравственности, развивавшіяся въ немъ незримо для міра, наравнѣ съ даромъ овладѣвать разсѣяннмъ умомъ подлаго на смѣшное

---

(1) Кромѣ развѣ оригинальныхъ украшеній языка, съ которыми онъ никогда не могъ разстаться.

читателя. Дѣтскія письма его покажутъ, какъ рано въ немъ скрывались высокія стремленія къ пользѣ ближняго, оказавшіяся впоследствии подкладкою его юмористическихъ произведеній. Но не будемъ забѣгать впередъ и посмотримъ еще на обстановку дѣтскихъ лѣтъ поэта, поговоримъ о вліяніяхъ, содѣйствовавшихъ складу его ума и предначертавшихъ направленіе, по которому онъ долженъ былъ пойти въ зрѣломъ возрастѣ. При его впечатлительности, ничто не оставалось для него постороннимъ, до него касающимся. Вотъ какъ рассказываетъ самъ онъ о своемъ жадномъ любопытствѣ, находившемъ пищу во всемъ, что представлялось его взорамъ :

»Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли каменный домъ, известной архитектуры... круглый ли, правильный куполь, весь обитый листовымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣсенною какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, фронтъ ли уѣздный, появившійся среди города — ничего не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телеги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ стѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожжахъ, и уносился мысленно за ними. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ? на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ вестись разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчишкѣ въ толстой курткѣ,